

РЕЦЕНЗИИ

«Зеркала не хранят воспоминаний». Варлам Шаламов. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004.

Это большая книга. Объемная. Многостраничная. Сложная и пестрая. Ее трудно держать в руках; когда переворачиваешь страницы, потрескивает переплет, не выдерживая тяжести одной тысячи семидесяти двух страниц. Трещит, как дрова в печи (детское воспоминание Шаламова), и как дрова на лагерном костре, и как дрова в горящем срубе Аввакума из поэмы Варлама Тихоновича; а в записных книжках такая запись: «Мне нужно сжечь себя, чтобы привлечь внимание». И вообще, это книга борца, «златореческая книга». Иуда (даже иуды) названы по именам и отчествам, с годами жизни, с присовокуплением *собственноручных* показаний. Потом эта *рука*, видимо, получала тридцать (серебряников? лет?)... Еще есть и *донесения* (эти же руки *несли, приносили, подносили*). Помимо рук, очень важны еще и *глаза*: за Шаламовым *надзирали*, он был под надзором (раздел, посвященный этому, назван «Под *оком стукача*» – тут глаза и руки, постукивающие тихонько, соединились). Сам Шаламов, уже совершенно в евангельском духе, пишет в записных книжках: «Ты лжешь, мой глаз», и это уже о *себе*, потому что, только пережив такую судьбу, можно говорить о себе так спокойно и достойно.

Это и богоборческая книга, идолоборческая книга; проваливаются в пропасть небытия вчерашние кумиры, происходят трагические разрывы (переписка с Солженицыным – «книга в книге», с собственным драматическим сюжетом). И еще это очень личная книга, интимная, и интимность эта как раз соединена с богоборчеством, ведь Бог – отец, а тема «нелюбви» – ведущая для Шаламова. Сначала все проще – это нелюбовь и отречение от «отца народов» (но и тут нет и тени сентиментальности к «жертве» этого «отца»: «Чувство вины перед жертвой вызывает ненависть к ней»). Сложнее – с отцом уже родным (чего стоит признание в «нелюбви» к отцу!). Шаламов не любит, он жалеет («Любовь Есенина к Родине – русская любовь – жалость»). Шаламов слишком русский, чтобы «просто любить»...

Первую часть книги составляют воспоминания Шаламова о 20-50-х годах. Это очень разное время объединено «образом автора», потому является не «собранием пестрых глав» (хотя композиционно эти воспоминания и весьма обрывочны). Концом воспоминаний служит глава «Что я видел и понял в лагере». «Земную жизнь пройдя...», Шаламов свидетельствует о прошлом будущему, облекая свои свидетельства в 46 тезисов-итогов, и эта своеобразная проповедь становится дарованием заветов новейшего времени.

Записные книжки и переписка составляют основу тома. Необычайно интересна переписка с Б.Л. Пастернаком, О.С. Неклюдовой, А.И. Солженицыным, Н.Я. Мандельштам, И.П. Сиротинской (наследницей и составительницей тома). Следственные дела 1929, 1937 и 1943 годов завершают издание.

Бережно и любовно составленная книга содержит на удивление большое количество фактических опечаток (при отличной общей корректуре ошибки содержатся в обширных примечаниях и касаются в основном дат жизни

упоминаемых в тексте персон: с. 110 – неверно указан год смерти Рембо, с. 117 – год рождения Катаева, с. 123 – год рождения Телешева, с. 128 – год рождения Славина, с. 381 – год рождения Прокушева, с. 384 – год смерти Чуковского, с. 387 – год смерти Нечаева, с. 942 – годы жизни Лихачева, с. 1053 – год смерти Шолохова; с. 1063 – отчество Пастернака).

Пророческим завещанием звучат слова из записной книжки Шаламова. Эти слова обращены к нам, его читателям: «Больше, чем я есть, я не хочу, чтобы меня показывали – ни современники, ни потомки, ни предки. Никакой аналогии с прошлым. Никакой компиляции из истории, истории, написанной до Хиросимы. Чтобы сохранить если не живую душу, то хоть скелет духовный».

П.С. Глушаков
Латвийский университет